

Новые песни Кореи

Корея... Чосон... Страна утренней свежести...

Наш пилот-кореец показывает на сопки, поля, реки под самолетом и шепчет: «Кохян, кохян»...

Кохян — родина! Это слово я слышал давно. Мы — студенты Литературного института — не раз повторяли его в институтских коридорах вслед за поэтом Се Ман Иром, когда он рассказывал нам о сражающейся Корее, о нанесенных ей врагом тяжелых ранах.

Более трех лет прошло со дня победы корейского народа в жестокой войне, навязанной ему империалистами. Что же мы увидим сегодня на многострадальной земле Корейской Народно-Демократической Республики?

Казалось бы, что можно создать на пепелище всего лишь за три с половиной года?.. И тем большим чудом кажутся асфальтированные улицы Пхеньяна, его многоэтажные дома, театры, кино, гостиница, университет...

Мы можем представить себе недавнее прошлое многих городов: таким он был, а таким стал сегодня... Но Пхеньян, каким он был пять лет назад, сегодня очень трудно восстановить в памяти. Перед нами, очевидно, самый молодой город мира. Есть застроенные кварталы, остальное — в пабросках, в черновиках. Но, глядя на развалины, строители города видят уже готовые здания.

— Вот это сквер, а это большой жилой дом...

Наш спутник, корейский архитектор, указывает рукой влево, и мы смотрим на пустырь, на груды вывороченной земли, камня. Но, снова взглянув в лицо архитектора, мы чувствуем, что он-то все видит, осязает, он уже любит и этот «дом» и этот «сквер». И столько веры в его жестах, голосе, глазах, что мы даже устыдились своей минутной «близорукости».

Другие города Кореи восстанавливаются медленнее, чем Пхеньян. Но о развалинах забываешь, когда слышишь рассказ корейских товарищей о восстановлении страны, когда видишь уже поднятые из пепла и

Геворг ЭМИН

руин дома. И лишь тот, кто знаком с темпами этого восстановления, может понять сложную арифметику послевоен-

ной экономики Кореи — арифметику, суть которой один из наших корейских друзей выразил в формуле: $1 - 1 = 2$. Был, например, до войны один объект, враги уничтожили его, и теперь на его месте встали два объекта.

Подтверждение этой формулы мы видели на каждом шагу.

Вот недавно восстановленная Пхеньянская текстильная фабрика. Здесь до войны была тысяча станков. Сейчас на ней две тысячи станков. Вот университет имени Ким Ир Сена в Пхеньяне, — он был построен на деньги, собранные населением. В конце войны американцы почти полностью разрушили это здание. Что же стоит на его месте? Новое величественное здание университета плюс строящийся заново университетский городок.

Деревня Мангёнда — родина Ким Ир Сена, как все корейские деревни, сильно пострадала от войны: были разрушены дома, разорена оросительная сеть, уничтожены лодки, инвентарь. А сегодня сельскохозяйственный кооператив села Мангёнда — один из лучших в Корее. В пять раз увеличилось количество членов кооператива, поднялась урожайность риса и кукурузы. В минувшем году доход кооператива составил 32 миллиона won и каждый член кооператива получил примерно по тонне риса и 3—4 тысячи won деньгами.

Дух народа, пробудившегося к жизни после многовекового рабства, проявляется во всем и, пожалуй, ярче всего в его культуре. С каким вдохновением народ возрождает, возвращает к жизни свои древние культурные ценности!

Нам удалось слышать, как поет народ в Корее — именно народ! В фестивале народной самодеятельности, на который нас пригласили, участвовали и старики, и дети, и жители городов, и крестьяне. Их голоса слились в Пхеньяне в один мощный, прекрасный голос — голос народа.

О чем же он поет?

Он поет о вековых страданиях и надеждах, о свете нынешнего дня и счастье будущего.

Крестьяне из провинции Хамчён исполнили старинный народный тапеч «кочонь»: на сцену вышли помещики с «мужскими» всерами, их слуги и девушки-крестьянки. «Помещики» обмахиваются всерами, а девушки должны движениями своих тел точно повторить движение всера. И если кто сделает это плохо, не похоже, — слуги бьют их плетьюми.

Нечаль и с трудом сдерживаемая ненависть застыли на лицах девушек. Их не радует даже появление молодых сельских парней и музыкантов. Но стоит им вместе с парнями изгнать со сцены помещиков и слуг, как лица озаряются улыбками, музыка становится стремительнее, веселее, голоса звучат звонко и счастливо...

...Молодая сотрудница одного из пхеньянских издательств поет грустную песню о судьбе корейской женщины. В возрасте 18 лет она была отдана «замуж» в чужой дом. Неважно, что мужу исполнилось всего лишь 8 лет, — лишние женские руки в доме всегда пущы!

О, река Тэдонган,
Скажи, видела ли ты,
Как женщина приходила за водой,
Неся на спине своего мужа?..

...Хор крестьян поет печальную песню о высоком перевале. В песне спрашивается, какой из корейских перевалов самый высокий. «Не Ияктусан и не Джанбаксан, — отвечает хор. — Самый тяжелый перевал — это перевал «Янмёпсан»: пока не созреет имень, крестьяне с трудом перебиваются, голодают в ожидании нового урожая».

Иногда чувство печали сменяется чувством гнева, и тогда появляются воинственные «танцы с мечами», по-прежнему звучат голоса, совсем иное выражают движения, лица. Песни, танцы и характерные для народного творчества Кореи сюжетные сцены рассказывают обо всем: и о японском иете, и об ужасах войны, и о диле свободы. Сейчас в Корее звучат новые песни, растет новое искусство. От старого оно отличается не только звучанием, но и самими названиями — симфония «На берегу реки стоят дома», балет «Под ясным небом», песня «Кузница кооператива»...

Надеждой, верой в будущее страны веет от этого искусства. И это чувствуют не

только исполнители, этим заражаются и сидящие в зале чехи, болгары, румыны, немцы — все, кто приехал в Корею, чтобы помочь ей восстать из пепла. Эти люди, работающие в разных корейских провинциях, настолько свыклись со страной, ее народом и ее бытом, что, сидя в зрительном зале, с нетерпением ждут: когда же споют об их городе, об их провинции, радуются, услышав знакомую песню или ставшую близким названием.

...Маленькая девочка пела песню о восьми достопримечательностях Кореи, а мы, слушая, думали о девятой достопримечательности этой страны: о самой девочке, о ее подругах и товарищах — будущем страны, ее надежде.

Девочка пела о Вонсане, и в этой песне ветер стонал и выл в развалинах города. Сосны, широко раскинув свои мощные ветви, шумели от ветра Восточного моря, грохотал водопад Девяти драконов, и вместе с его шумом долетал до нас топот ног партизан, скрывавшихся недавно в Алмазных горах...

Девочка пела о северных провинциях Кореи, и в тоне нежном, нежном голоса слышался шум новостроек, глухой стук спрятавшихся в горах заводских станков... О многом пела маленькая корейская девочка. Пела она и о Пхеньяне, и тогда перед нами сверкали огни Моранбона — горы, где воздвигнут монумент в честь освобождения Кореи, а до слуха доносился шум народной демонстрации, бесконечной, как волны Тэдонгана...

Девочка пела и о Кэсоне — своем родном городе, одном из самых красивых в Корее.

Кэсон пострадал от войны меньше других городов, — ему несчастливилось. Расположенный вблизи от 38-й параллели, он оберегался самими врагами! Они хотели сохранить для себя этот прекрасный город. И все же тяжелая, мрачная печать войны лежит и на Кэсоне...

Мы едем к югу от Кэсона, вдоль рисовых полей, и кажется, никогда не остановимся, конца пути не видно. Но что это? Машина резко затормозила. Большое рисовое поле перерезано колючей проволокой. Полосатый шлагбаум закрывает нам путь. Это — нейтральная зона.

На севере от 38-й параллели осталась промышленность страны, на юге —

сырье для промышленности: на севере — брат, на юге — сестра... Только волны морей по-прежнему омывают обе Кореи; только птицы перелетают с дерева на дерево, не спрашивая, принадлежат ли югу; только облака переплывают с юга на север и, не сдержавшись, роняют порой на землю Северной Кореи тяжелые крупные капли...

Если надвое сердце разрезать мое, все равно двух не будет сердец, а останется сердце одно.

Где ж кончается Север и где начинается Юг?

Кто позволил рассечь нашу землю, и воду, и воздух вокруг?

У полосатого шлагбаума, преградившего наш путь, я вспомнил эти строки, написанные Се Ман Иром. Вспомнил я и шум рукоплесканий всего зала, когда на фестивале в Пхеньяне корейские дети спели:

Одна земля у нас, одна весна у нас,
Зачем же надвое страна расколота?..

На границе Северной Кореи стоят корейские батраки, получившие землю, интеллигенты, избавившиеся от преследований японской военщины, стоят молодые рабочие, ставшие хозяевами своей страны. Ради своей страны, ее единства и счастья они могли бы найти слова, чтобы поговорить через границу со своими братьями и сестрами с юга — эти слова живут в их сердцах. Но кому сказать их? По ту сторону демаркационной линии стоят не корейские, а американские солдаты. Неужели для того было подписано в Паньминьчжоне перемирие, чтобы здесь же, в двух шагах от Паньминьчжона, сегодня стояли новые призраки войны? Не для того ли они стоят, чтобы деморализовать корейский народ, восстанавливающий свою страну, выбить из его рук кирку, молот?..

В Пхеньяне, в Музее отечественной войны, я видел свирель. Ее сделали корейские солдаты в тяжелые дни войны. Голос свирели сегодня звучит над новой Кореей. Его никому не заглушить.